

Айдар Гайнуллин:

В ЕВРОПЕ Я ПРОПАГАНДИРУЮ РОССИЙСКОЕ ИСКУССТВО

Разговор с баянистом, вокалистом и композитором Айдаром Гайнуллиным мы начали в Москве, а продолжили, когда всемирно известный музыкант был уже в Берлине: таков его темп жизни. О победах и провалах, концертах и фестивалях, любимых жанрах и стилях, а также о новом статусе солиста Московской областной филармонии Айдар рассказал в преддверии своего юбилейного концерта

Мария ТИХОМИРОВА

– В этом году вы стали солистом Московской областной филармонии. Чем вам интересен этот новый жизненный этап? С какими коллективами филармонии будете сотрудничать?

– Я узнал о Московской областной филармонии от моих друзей – Андрея и Михаила Ивановых. Они руководят одним из ее подразделений – Центром развития этнической музыки. Андрей рассказал, что есть ресурсы, оркестры, площадки, что можно принять участие в интересных проектах воссозданной филармонии. И я подумал, а почему бы и нет? Мы поговорили с директором филармонии – Ильгизом Янбухтиным, и поняли, что можем друг другу помочь: я буду задействовать коллективы филармонии в своих концертах, они меня – в своих. Это обоюдно интересный вариант. Уже в октябре мы планируем несколько концертов с оркестрами «Русские узоры» и «Инструментальная капелла». Кроме того, эти коллективы, а также хор и ансамбль баянистов «Русский тембр» станут участниками моего юбилейного концерта 20 октября в Доме музыки.

– Какие еще музыкальные события были приурочены к вашему 35-летию?

– Я живу на две страны: Россия – Германия, поэтому и решил сделать два больших концерта в каждой из этих стран. Один из них уже прошел в Берлинской филармонии в рамках моего фестиваля «Айдар Гайнуллин и друзья». Второй будет в Москве, в Доме музыки. В нем примут участие замечательные музыканты – Борислав Струлёв, Артем Дервоед, братья Ивановы, Гайк Казазян. Будут и сюрпризы, конечно, которых сейчас раскрывать не буду.

– У Вас есть фестиваль в Германии. Планируете ли организовать именной фестиваль в России?

– Да, есть планы сделать фестиваль в Московском международном Доме музыки, а также в Казани.

– Как вы оказались в Германии? Это было приглашение или ваш выбор?

– О Германии изначально я не мечтал, так как баянная школа в России очень сильная, и я планировал строить свою карьеру здесь. Но так сложилась судьба. В Вене на семинаре моего профессора Фридриха Липса я познакомился со своей будущей супругой. Она жила в Берлине. Как это обычно бывает, мы начали переписываться, перезваниваться... И я решил приехать в Германию: будто бы на учебу, но на самом деле – к ней. Я закончил аспирантуру Высшей школы музыки имени Ханса Эйслера. В Берлине мы и остались жить.

– Вы исполняете музыку самых разных жанров и стилей: классику, джаз, танго, рок. Это связано с желанием привлечь как можно больше самой разнообразной публики, с желанием доказать, что на баяне можно сыграть всё, или просто играет то, что вам нравится, и это показатель широты ваших музыкальных взглядов?

– Я думаю, что всё перечисленное верно. Меня интересуют разные направления, и я хочу, чтобы они были доступны самому широкому кругу слушателей. В своей авторской музыке я пытаюсь соблюдать некую грань: с одной стороны, чтобы музыка была близка и понятна каждому, отзывалась в сердце, но с другой, чтобы был и какой-то элемент просвещения.

– Есть ли шаблоны, стереотипы относительно исполнительства на баяне, с которыми вам приходится сталкиваться?

– Баян – инструмент молодой. Быть может, кто-то воспринимает его исключительно как народный. В Европе я пропагандирую российское искусство, исполнительство на баяне, чтобы люди узнали о возможностях этого инструмента. Иногда у зрителей вызывает большое удивление исполнение классики на баяне. Когда меня впервые услышал Мстислав Ростропович, он сказал: «Как это возможно: на одном баяне сыграть за весь оркестр!»

– Вы знаете баян, как никто другой. И даже ваша композиторская работа связана с этим инструментом. Какие еще современные композиторы пишут музыку для баяна? Сотрудничаете ли вы с ними?

– Современные композиторы, в том числе и очень известные, обращаются к этому инструменту. Например, София Губайдулина, которая тоже живет в Германии. Я играл ее произведения: «De Profundis», «Семь слов Христа» для виолончели, баяна и струнного оркестра. Что касается молодых, начинающих композиторов: может быть кто-то и пишет, но я о них не знаю. Я сам пишу для себя музыку.

– У вас есть сложившийся сценический образ: вы неизменно в шляпе. Как этот образ возник?

– Он появился, когда мы записывали мой первый клип с Вячеславом Мерцаловым (у нас была группа «Евразия») на «Libertango» Астора Пьяццоллы. Художник по костюмам, послушав музыку, придумал этот образ, а я решил выступать так и дальше. Сейчас я играю, в основном, латино, танго, фламенко, и такой образ подходит как нельзя лучше. Кроме того, это и определенный знак. Когда говорят: «баянист в шляпе», сразу понятно, о ком идет речь.

– Вы являетесь лауреатом 18 международных конкурсов. Что дает исполнителю участие в конкурсах? Почему это важно, на ваш взгляд?

– Я мечтал участвовать в конкурсах с детства, меня подстегивал мой старший брат Адис. Мы смотрели фильмы про единоборства, соревнования. Меня восхищало, как они сражаются до конца. Адис меня настраивал, что нужно ехать на конкурсы и везде побеждать.

– То есть в музыкальном конкурсе вам важен именно элемент соревновательности и факт победы, как в спорте?

– Да, и мне было не интересно, если нет достойных соперников, потому что победа давалась с легкостью, без борьбы. Я всегда старался ехать туда, где собирались самые лучшие музыканты из разных стран. Особенно в детстве очень мотивировало, волновало осознание того, что ты можешь победить более старших соперников. Бывали и неожиданные победы, как, например, на «Нике», ведь это был мой дебют как кинокомпозитора (Айдар Гайнуллин является лауреатом Национальной кинематографической премии «Ника» за музыку к фильму Ивана Вырыпаева «Эйфория» – прим. ред.). Или второе место на вокальном конкурсе в Киеве – тоже было непредсказуемо. Я два года учился оперному вокалу, решил попробовать – и получилось.

– А провалы были?

– Безусловно. Однажды в Германии был провал – я занял четвертое место. Один из членов жюри дал мне низкий балл, в то время как все остальные поставили либо максимальные, либо очень высокие баллы. Все были в шоке, потому что меня досрочно поздравляли с победой уже после выступления на втором туре. Но это меня закалило. На следующий год я взял суперсложную программу (Органную прелюдию и фугу на тему ВАСН Ференца Листа в переложении для баяна), приехал в эту же категорию, встретился с теми же соперниками и победил с большим отрывом по баллам.

Была и другая история. Она связана с моим летним отдыхом в деревне. Мне было 19 лет, мы с друзьями ходили на дискотеку в клуб, куда однажды ворвалась толпа, человек двадцать, они начали бить всех подряд. Я не понимал, что происходит. Клуб был окружен со всех сторон, но мне как-то удалось вырваться. Я бегу и слышу крики: «Стой! Убьем!» Чувствую, меня догоняют. Первый удар, второй – я пытаюсь отбиваться, дальше – кастетом, ногами... Раньше, услышав в новостях, что кого-то били, я думал: человек, наверняка, виноват сам. Здесь же я понял, что это может произойти с каждым. Когда они отошли, я лежал на асфальте, и в моей голове звучала музыка из конкурсной программы, которую я должен был исполнять через три недели на конкурсе в Финляндии, затем в Англии, Италии, Испании. Приехав на конкурс, я увидел, что участники волнуются, не знают, с какой ноты начать, и осознал, что это такая ерунда. Когда ты находишься на грани жизни и смерти, то потом воспринимаешь всё иначе и играешь с другим отношением к музыке. Ошибки – это формальность. Ты исполняешь произведение и не боишься, несмотря ни на что, как в сражении: не важно, кто тебя ранит, идешь до конца. Ростропович, например, говорил: «Лучше не попади на эту ми-бемоль, но сделай кульминацию. Если всё чистоенько, аккуратненько сыграешь, но без эмоций, без души, не будет музыки».